

СОБЛАЗН

ДМИТРИЙ КОЛОБКОВ

Дмитрий Колобков

Соблазн

«Автор»

2026

Колобков Д.

Соблазн / Д. Колобков — «Автор», 2026

Как далеко ты готов зайти, чтобы выжить? Что ты сделаешь, когда закон не защищает, а правда убивает? И кем ты станешь, если единственный путь вверх лежит через грязь? «Соблазн» — это история о падении, которое начинается с одного «да», сказанного не тому человеку. О соблазне власти, который сильнее страха. И о том, что иногда проигрывает не тот, кто слаб, а тот, кто слишком долго играл по чужим правилам.

© Колобков Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Плата за воздух	5
Глава 2. Цена принципов	11
Глава 3. Точка невозврата	15
Глава 4. Искусство быть тенью	19
Глава 5. Первый рубеж	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Дмитрий Колобков

Соблазн

Глава 1. Плата за воздух

Виктор стоял у окна и смотрел, как рассветное солнце пытается пробиться сквозь желтоватую дымку над Городом. Дымка эта была привычной — смесь испарений с химзавода, выхлопных газов и чего-то ещё, чему Виктор так и не нашёл названия за пять лет жизни здесь. Местные называли это «дыханием Города». Приезжие — «кислотным туманом». А в сводках санитарной службы значилось коротко: «В пределах допустимой нормы». Кем и когда установленной — вопрос, который здесь задавать было не принято.

Ему было двадцать семь. Он работал инженером-смотрителем в Городской службе коммуникаций уже третий год — пришёл сразу после Института, полный чертежей, расчётов и глупой, почти детской веры в то, что его руки способны что-то изменить. За три года вера эта истончилась до полупрозрачной плёнки, готовой порваться от одного неосторожного движения. Но пока держалась. Держалась на том, что он каждое утро вставал, умывался ледяной водой, выпивал чашку горького кофе и говорил себе: «Ты просто делаешь свою работу. Этого достаточно».

Сегодня у него был план. План, который он вынашивал две недели, проверяя цифры, пересчитывая сметы, сличая накладные с тем, что он видел собственными глазами на складах и в колодцах. План этот лежал в его папке — аккуратно напечатанный доклад на четырёх страницах, с таблицами и ссылками на нормативы. Доклад, который должен был если не изменить всё, то хотя бы сдвинуть с мёртвой точки ремонт очистных сооружений в Заречном районе.

Он оделся тщательно: единственный приличный костюм, купленный ещё на выпускной, рубашка, выглаженная накануне. Мать всегда говорила: «Если идёшь на войну, надевай чистое бельё». Матери не было уже два года, но он по-прежнему мысленно с ней советовался.

Заречный район задыхался. Люди пили воду цвета ржавчины, дети болели, старики умирали раньше срока. Два года назад на очистные был выделен бюджет — триста тысяч лир. Виктор помнил этот день: он, тогда ещё младший смотритель, стоял в кабинете начальника Департамента, когда пришла разнарядка, и начальник, господин Регнар, потирая руки, сказал: «Ну вот, Виктор, будет тебе работа. Освоим». Слово «освоим» прозвучало тогда как-то особенно, с отяжечкой, но Виктор не придал значения. Он был молод. Он верил.

За два года на очистных сменили три проржавевшие задвижки и покрасили забор. Деньги кончились. Акт приёмки был подписан без замечаний. Виктор тогда впервые полез в документы сам. То, что он увидел, не укладывалось в голове: по бумагам прошли трубы, которых никогда не было, фильтры, которых никто не закупал, и работы, которые никто не выполнял. Общая сумма списанных средств — двести восемьдесят тысяч лир. Реальный ремонт обошёлся в двадцать тысяч. Остальное растворилось.

Он подал докладную тогда же. Она исчезла.

Он подал вторую. Ему мягко намекнули, что он «не понимает производственных процессов».

Он подал третью — уже господину Регнару лично, в руки. Тот прочитал, хмыкнул, отложил папку и сказал: «Ты, Виктор, парень умный, но горячий. Хочешь совет? Успокойся. Работай, получай свои двести лир в месяц и не лезь куда не просят. Целее будешь».

Виктор не успокоился. Сегодня он собирался идти выше — к заместителю градоначальника по городскому хозяйству. Он знал, что это риск. Он знал, что господин Регнар имеет с заместителем давние «дружеские отношения». Но он также знал, что по уставу Городской

службы он, как инженер-смотритель, имеет право прямого обращения в случае выявления признаков хищения. Устав был принят ещё при прежнем градоначальнике, который любил красивые жесты, и его до сих пор не отменили — просто потому, что никому не приходило в голову им пользоваться.

Виктор собирался им воспользоваться.

Коридоры Городской управы были пустынные в этот ранний час. Виктор шёл по вытертому ковровому покрытию, и шаги его отдавались гулким эхом. Пахло хлоркой и пылью. На стенах висели портреты — градоначальник, его заместители, какие-то почётные граждане с неестественно серьёзными лицами. Все они смотрели на Виктора сверху вниз, и в их взглядах ему чудился укор.

У приёмной заместителя уже сидела секретарша — женщина лет пятидесяти с причёской, напоминавшей птичье гнездо, и выражением лица, говорящим: «Я здесь тридцать лет, и меня уже ничем не удивить». Она подняла на Виктора глаза, едва заметно усмехнулась и вернулась к вязанию.

— Вы записаны? — спросила она, не глядя.

— Нет. Но у меня доклад. Срочный. По факту хищений.

Секретарша отложила спицы. Слово «хищение» прозвучало в этом стерильном коридоре как нечто неприличное.

— Господин заместитель сегодня не принимает. Запишитесь на следующую неделю.

— Дело не терпит.

— У всех дела не терпят.

Виктор положил папку на её стол. Раскрыл. Ткнул пальцем в первую страницу.

— Посмотрите. Здесь таблица. Бюджет — триста тысяч. Фактические расходы — двадцать тысяч. Остальное — фикция. Это уголовная статья.

Секретарша посмотрела на таблицу. Лицо её не изменилось. Она не испугалась, не удивилась. Она просто смотрела — как смотрят на муху, севшую на скатерть.

— Молодой человек, — сказала она наконец, — я вас где-то видела. Вы же из Департамента Регнара?

— Да.

— Так идите к Регнару.

— Я был у него.

— И что?

— Он сказал не лезть.

Секретарша кивнула. В этом кивке была целая философия.

— Вот видите. Умный человек вам сказал. А вы всё равно лезете. Зачем?

Виктор хотел ответить — про Заречный район, про детей, про воду цвета ржавчины, — но осёкся. Потому что понял: ей это неинтересно. Она здесь тридцать лет, и она видела таких, как он. Много. И чем они кончали, она тоже знала.

— Я дожусь, — сказал он и сел на стул.

Секретарша пожала плечами и вернулась к вязанию.

Он просидел два часа. За это время в приёмную зашли трое: двое — подрядчики с пухлыми портфелями, один — чиновник из смежного Департамента, лысоватый, в дорогом костюме. Всех их секретарша пропускала с лёгкой улыбкой. На Виктора никто не смотрел.

Наконец дверь кабинета открылась, и вышел заместитель — господин Торвальд, высокий, седоватый, с лицом человека, который давно уже не испытывает ни гнева, ни радости, только лёгкое раздражение от необходимости дышать. Он заметил Виктора. Узнал. Или сделал вид, что узнал. Они встречались однажды, на каком-то совещании, где Виктор попытался задать вопрос про очистные и был остановлен на полуслове.

— Вы ко мне? — спросил Торвальд. Голос у него был сухой, как осенняя листва.

— Да, господин заместитель. У меня доклад. О хищениях в Департаменте коммуникаций.

Торвальд посмотрел на секретаршу. Секретарша едва заметно покачала головой — жест означал: «Я пыталась его спровадить».

— Зайдите, — сказал Торвальд. — У вас пять минут.

Кабинет был просторный, с видом на площадь Согласия. На столе — бронзовая лампа, массивный телефонный аппарат, стопка бумаг. Виктор заметил, что одна из бумаг — с гербом Города — лежала так, словно её только что перевернули лицевой стороной вниз, пряча содержание.

Торвальд сел, не предложив Виктору стул. Виктор остался стоять.

— Я слушаю.

Виктор положил папку на край стола.

— Здесь полный анализ бюджета на ремонт очистных в Заречном районе за последние два года. Из трёхсот тысяч лир реально потрачено двадцать. Остальные списаны по фиктивным актам. Подписи есть. Маршруты движения средств прослеживаются до подставных фирм. Я могу всё подтвердить документально.

Торвальд не притронулся к папке. Он смотрел на Виктора с тем же выражением, с каким смотрела секретарша, — как на муху. Только теперь у мухи не было шансов на помилование.

— Вы понимаете, о чём говорите? — спросил он.

— Понимаю.

— Вы обвиняете своего непосредственного начальника, господина Регнара, в хищении. Вы обвиняете подрядчиков в сговоре. Вы обвиняете ревизионный отдел в халатности. Это серьёзные обвинения, молодой человек.

— Я не обвиняю. Я докладываю о фактах.

Торвальд взял папку. Открыл. Пробежал глазами первую страницу. Потом вторую. Потом закрыл и отодвинул в сторону.

— Вы служили в армии, Виктор?

— Нет. Отсрочка по здоровью.

— Жаль. В армии есть хорошее правило: не видишь — не знаешь. Вам бы пригодилось. — Он сложил руки на столе. — Видите ли, какая штука. Город — это сложный организм. В нём есть, скажем так, процессы, которые не всегда укладываются в то, чему вас учили в Институте. Мы не можем отремонтировать всё сразу. Мы вынуждены распределять ресурсы. Приоритеты. Понимаете?

— Я понимаю, что дети в Заречном пьют ржавую воду.

— И это плохо. Очень плохо. Но если мы сейчас начнём разбирательства, у нас встанет вся система городского хозяйства. Люди, которые работают, испугаются. Те, кто берёт подряды, уйдут. И тогда без воды останутся не только дети в Заречном, но и весь Город.

Виктор почувствовал, как внутри что-то сжалось. Это был тот самый момент, когда слова звучат логично, но в них прячется ложь — такая гладкая, что к ней не придраться.

— Значит, лучше ничего не делать?

— Я этого не говорил. Я сказал: нужно думать о последствиях. Вы подумали о последствиях? О том, что будет с вами, например?

Виктор молчал.

— Я вижу, подумали. Это хорошо. Значит, вы не глупый человек. — Торвальд встал, давая понять, что разговор окончен. — Я изучу ваши материалы. Дайте мне неделю.

— Неделю?

— Вы сомневаетесь в моём слове?

Виктор смотрел на папку, оставшуюся лежать на столе. Он знал, что через час её содержимое станет известно Регнару. Что к вечеру он сам станет «проблемой». И что «неделя» — это вежливая форма отказа.

— Я могу оставить копию? — спросил он.

Торвальд впервые за разговор улыбнулся. Улыбка была холодной, как зимнее стекло.

— Виктор, вы мне не доверяете?

Вопрос повис в воздухе. Ответить на него честно — значило подписать себе приговор прямо здесь. Ответить «доверяю» — значило предать себя.

— Я просто хочу быть уверен, что доклад не потеряется, — сказал он.

Торвальд кивнул.

— Не потеряется. Ступайте.

Виктор вышел. В коридоре он остановился, прислонился к стене и глубоко вдохнул. Пахло всё той же хлоркой. Сердце колотилось где-то в горле. Он вдруг понял, что руки дрожат — не от страха, от бессилия.

Он сделал только то, что должен был сделать. И этого оказалось недостаточно.

Вечером того же дня, когда Виктор сидел в своей крохотной квартире на окраине Города и пытался читать книгу, в дверь постучали. Стук был не громкий, но настойчивый — так стучат люди, которые знают, что им откроют.

На пороге стоял человек, которого Виктор никогда прежде не видел. Невысокий, плотный, в тёмном пальто не по погоде. Лицо его было невыразительным, как у бухгалтера или нотариуса, но глаза — быстрые, цепкие, обшарившие коридор за спиной Виктора за долю секунды.

— Господин Виктор? — спросил он.

— Да.

— Меня прислал господин Регнар. Можно войти?

Виктор хотел сказать «нет», но гость уже переступил порог, не дожидаясь приглашения. Он прошёл в комнату, оглядел скудную обстановку — книжный стеллаж, старый диван, фотографию матери на стене — и сел без приглашения.

— Негусто живёте, — заметил он. — Для инженера-смотрителя — негусто.

— Я не беру взятки, — сказал Виктор.

Гость поднял бровь.

— Прямо так и не берёте?

— Прямо так.

— Похвально. Очень похвально. — Гость достал из кармана пачку сигарет, вопросительно посмотрел на Виктора. Виктор покачал головой. Гость закурил. — Только знаете, господин Виктор, жизнь — она сложная штука. Сегодня вы не берёте, а завтра вам понадобятся деньги. На лечение, например. Или на обучение детей. У вас есть дети?

— Нет.

— А семья?

— Никого.

Гость стряхнул пепел прямо на пол.

— Это многое объясняет. Одинокий человек может позволить себе принципы. Но принципы, господин Виктор, — это роскошь, которую Город не всегда может себе позволить. Вы сегодня подали доклад. Заместитель Торвальд его прочитал. Он озабочен.

— Я думал, он даст ответ через неделю.

— Ответ будет сегодня. — Гость затянулся, выпустил дым к потолку. — Господин Регнар очень ценит вас как специалиста. Он считает, что вы — один из лучших молодых инженеров в Городе. И ему было бы жаль потерять такого сотрудника. Поэтому он предлагает вам забыть об этой неувязке. Доклад будет утерян, вы получите повышение. Младший смотритель — это

не ваша квалификация. Вам нужен отдел. Проектный, например. Там больше платят. И бумаги интереснее.

Виктор смотрел на гостя и чувствовал, как внутри растёт что-то тёмное. Не гнев — гнев был бы слишком простым чувством. Это было что-то глубже: смесь брезгливости и ужаса перед обыденностью, с которой ему предлагали предать всё, во что он верил.

— А если я откажусь? — спросил он.

Гость докурил, аккуратно затушил сигарету о подошву ботинка и убрал окурки в карман — как человек, привыкший не оставлять следов.

— Если откажетесь, — сказал он спокойно, — то завтра утром в Департамент поступит докладная от господина Регнара. О том, что вы систематически нарушали должностные инструкции. О том, что вы грубили начальству. О том, что вы как бы это сказать брали на лапу. У нас есть пара подрядчиков, которые подтвердят.

— Это ложь.

— Конечно, ложь. Но кому поверят — вам или уважаемому господину Регнару, который двадцать лет служит Городу? Вас уволят с волчьим билетом. Вы не найдёте работу ни в одном городе страны. И это — самый мягкий вариант. — Гость подался вперёд, и в его глазах мелькнуло что-то, от чего у Виктора похолодели пальцы. — Вы ведь не знаете, господин Виктор, как работает система. А я знаю. Я в ней тридцать лет. И я видел людей, которые пытались её починить. Они все кончили плохо.

— Что значит «плохо»? — голос Виктора прозвучал глухо, как через подушку.

Гость поднялся.

— Это значит, что о них больше никто не слышал. — Он направился к выходу, но у двери обернулся. — Регнар даёт вам сутки на размышление. Завтра в это же время я приду за ответом. И, господин Виктор — он сделал паузу, — не делайте глупостей. В Городе очень плохие дороги. И очень глубокие очистные колодцы. Спокойной ночи.

Дверь закрылась. Виктор остался стоять посреди комнаты. Запах сигаретного дыма всё ещё висел в воздухе — едкий, чужой, как напоминание о том, что его жизнь только что перестала принадлежать ему.

Ночью он не спал. Сидел у окна, смотрел на жёлтые огни Города и думал.

Он думал о матери. Она работала учительницей в школе и умерла от болезни, которую можно было вылечить, если бы в больнице было нужное оборудование. Оборудование было куплено — он сам видел накладные. Но до больницы оно не доехало. «Пересортица», — сказали тогда. «Бывает».

Он думал о Заречном районе. О детях, которые пили ржавую воду. О стариках, которые умирали раньше срока. О трёхстах тысячах лир, которые осели в чьих-то карманах.

Он думал о Регнаре, который говорил «освоим» с оттяжкой.

Он думал о Торвальде, который обещал «неделю».

Он думал о госте в тёмном пальто, который стряхивал пепел на пол и говорил о глубоких колодцах.

К утру решение пришло — не как вспышка, не как озарение, а как холодная, спокойная ясность, которая опускается на человека, переставшего бояться.

Он подошёл к столу, взял чистый лист бумаги и написал одно слово: «Согласен». Потом подумал, зачеркнул и написал: «Я понял. Буду молчать».

Он сложил лист, запечатал в конверт и надписал: «Господину Регнару».

Потом подошёл к фотографии матери. Долго смотрел в её глаза — единственные глаза во всём Городе, которые смотрели на него без укора и без лжи.

— Прости, — сказал он. — Я попробую по-другому.

Что означало это «по-другому», он ещё не знал. Но где-то в глубине, под слоем унижения и горечи, уже зрело что-то — пока бесформенное, пока без названия, — что со временем вырастет в план.

План, который погубит его. Но это будет потом. А пока — занимался рассвет, и Город дышал своим жёлтым туманом, и на календаре был новый день. Виктор надел костюм, застегнул рубашку на все пуговицы и вышел из дома. Ему нужно было на работу. Ему нужно было учиться.

Глава 2. Цена принципов

Прошёл год.

Год, за который Виктор научился молчать. Научился улыбаться, когда хотелось кричать. Научился подписывать бумаги, не читая. Научился смотреть в глаза людям, которых презирал, и не отводить взгляда.

Его повысили — как и обещал ночной гость. Теперь он сидел не в общем зале, а в отдельном кабинете с табличкой «Проектный отдел. Старший инженер». Кабинет был маленький, с окном во внутренний двор, но это был его кабинет, и дверь в нём закрывалась. Он мог пить кофе, не пряча термос, и раскладывать чертежи на собственном столе. Жалованье выросло вдвое. Господин Регнар при встрече хлопал его по плечу и называл «наш юный гений». Коллеги уважали — за спокойствие и за то, что он никогда не задавал лишних вопросов.

Виктор ненавидел себя.

Нет, не так. Он приучил себя не испытывать ненависти — она мешала. Он приучил себя наблюдать. Запоминать. Систематизировать. Каждый раз, подписывая фиктивный акт, он мысленно складывал его в отдельную ячейку памяти: дата, сумма, фамилии, номера счетов. Он ничего не записывал — бумагу могут найти. Но он помнил всё. Его память стала похожа на картотеку, которой не существовало.

Он знал уже много. Знал, что Регнар работает через три подставные фирмы, зарегистрированные на дальних родственниках. Знал, что Торвальд получает долю через офшор в южной юрисдикции. Знал, что ревизионный отдел — фикция, существующая только для того, чтобы штамповать акты. Знал, что Городской совет раз в квартал утверждает бюджет, в котором треть сумм — «технические зазоры», то есть запланированное воровство.

Но это было только начало. Он чувствовал: система уходит глубже, в Столицу, в министерства, в самое сердце государства. Чтобы туда добраться, нужно было стать незаменимым. Нужно было быть не просто винтиком — нужно быть смазкой, на которой держится механизм.

Он учился.

В тот вторник всё началось с телефонного звонка.

Виктор сидел над чертежами нового водовода, когда в коридоре загрохотали шаги. Дверь распахнулась. На пороге стояла соседка — та, что жила двумя этажами выше, пожилая женщина с вечно испуганными глазами. Она тяжело дышала, словно бежала через весь Город.

— Виктор — выдохнула она. — Лара, ваша сестра, ей очень плохо.

Он встал. Медленно, очень медленно — как человек, который знает, что одно резкое движение может разбить что-то хрупкое.

— Что значит «очень плохо»?

— «Скорая» приезжала. Сказали — в больницу. В инфекционное. Сказали — очень срочно.

Он уже не слушал. Схватил плащ, бросил на стол ключи, выбежал в коридор. Соседка что-то кричала вслед, но слова разбивались о грохот его шагов.

Лара была его единственной родственницей. Младшая сестра — на десять лет моложе. После смерти матери он заменил ей отца: помогал с уроками, провожал в школу, читал на ночь книжки, пока она не засыпала. Теперь ей было семнадцать. Она училась в лицее, хотела стать врачом. «Самый честный врач в Городе», — смеялась она. У неё были светлые волосы, мамина улыбка и то же упрямство, что и у Виктора. Упрямство, которое он в себе уже почти задавил.

Больница встретила его запахом. Запахом, который он узнал сразу — смесь хлорки, старости и чего-то кислого, неуловимого. Запахом мест, где люди умирают не от болезней, а от отсутствия тяги к жизни.

В приёмном покое былолюдно. Люди сидели на деревянных скамьях, прижимали к груди направления, перешёптывались. Кто-то плакал. За стеклянной перегородкой сидела регистраторша и красила ногти.

— Мне нужна Лара, — сказал Виктор, подойдя к окну. — Привезли час назад. Инфекционное отделение.

Регистраторша подняла глаза, лениво отложила лак.

— Фамилия?

Он назвал. Она полистала журнал, постучала ручкой по столу.

— Есть такая. Тяжёлый случай. Сказали, нужна срочная терапия.

— Так делайте!

Регистраторша посмотрела на него с тем же выражением, что и секретарша Торвальда год назад. Смесь усталости и презрения к наивным.

— Молодой человек, вы не понимаете. Терапия есть, но она плановая. Бесплатных мест сейчас нет. Нужно ждать.

— Сколько ждать?

— Ну — она задумалась, — недели три. Может, месяц.

Виктор почувствовал, как кровь отливает от лица.

— Она не проживёт месяц. Вы сами сказали — тяжёлый случай.

— Я не врач, я регистратор. — Женщина пожала плечами. — Хотите — идите к заведующему. Но он сегодня уже ушёл.

— Тогда к дежурному врачу.

— Дежурный на обходе. Будет через два часа.

Виктор смотрел на неё и понимал: никакого обхода нет. Дежурный врач пьёт чай в ординаторской. Заведующий — дома, у телевизора. А его сестра лежит в палате и умирает, потому что «бесплатных мест нет».

Но он уже не был тем Виктором, который год назад размахивал докладной перед Торвальдом. Он научился читать язык этой страны.

Он достал из кармана три купюры — половину своего месячного жалованья — и положил на стойку. Регистраторша даже не взглянула на деньги. Она просто подвинула их локтем под журнал, и они исчезли.

— Сейчас позову дежурного, — сказала она. — Подождите.

Дежурный врач, пожилой мужчина с одутловатым лицом и запахом вчерашнего перегара, появился через пять минут. Он выслушал Виктора, кивнул, что-то черкнул в блокноте.

— Терапия есть, — сказал он. — Хорошая. Импортная. Но она не по стандарту. По стандарту — отечественная, а её сейчас на складе нет. Завоз через месяц.

— Сколько? — спросил Виктор.

— Что — сколько?

— Сколько стоит импортная?

Врач посмотрел на него — впервые за разговор прямо в глаза.

— Вы же понимаете, что это не совсем законно? Если проверка...

— Я понимаю. Сколько?

— Сто пятьдесят лир. За полный курс.

Сто пятьдесят лир. Два его месячных жалованья сейчас, в новой должности. Он мог занять. Мог продать кое-что. Мог просто отдать всё, что у него есть.

— Я принесу. Когда начинать?

— Как принесёте — так и начнём. До вечера успеете?

Он успел.

Он продал часы — отцовские, единственную ценную вещь, которая у него осталась. Занял у сослуживцев — понемногу, чтобы не вызывать вопросов. Снял со счёта последние

сбережения, которые копил на переезд в другой район. К пяти часам вечера у него было сто пятьдесят лир.

Он принёс деньги в больницу. Врач взял их — не пересчитывая, небрежливо, как берут то, что положено. И терапия началась.

Лара лежала в палате — бледная, с капельницей, но уже в сознании. Когда он вошёл, она открыла глаза и улыбнулась. Улыбка была слабая, но настоящая.

— Ты пришёл, — прошептала она.

— Конечно, пришёл. Ты как?

— Голова кружится. Но врач сказал, что лекарство поможет. Сказал, что повезло — привезли импортное.

— Повезло, — сказал Виктор. — Определённо повезло.

Она закрыла глаза и вскоре заснула — спокойно, ровно, как спят выздоравливающие. Виктор сидел рядом до темноты, держал её за руку и думал.

Он думал о том, что час назад нарушил закон. Дал взятку. Купил жизнь сестре за сто пятьдесят лир.

Он думал о том, что если бы у него не было ста пятидесяти лир, Лара бы умерла.

Он думал о том, что в этой больнице лежат ещё сорок человек. У скольких из них есть сто пятьдесят лир? У скольких есть брат, который продаст часы и займёт у сослуживцев?

Он думал о том, что бюджет на здравоохранение в Городе составляет миллионы лир. И о том, куда уходят эти миллионы, он тоже знал. Он сам подписывал акты.

Тёмное, холодное чувство поднималось в нём — не гнев, не ярость, а что-то гораздо опаснее.

«Ты хотел дойти до сердца гидры, — сказал он себе. — Так учись. Ты только что заплатил за урок. Запомни его».

Лару выписали через две недели. Импортная терапия сработала — температура спала, анализы пришли в норму. Она вернулась в лицей, снова смеялась, строила планы. Виктор смотрел на неё и чувствовал одновременно облегчение и страх. Страх, потому что он знал: это не последняя болезнь. И не последняя взятка.

Месяц спустя в Городе произошла трагедия.

В Южном районе обрушилась крыша школы. Той самой, которую ремонтировали год назад. Той самой, на ремонт которой ушло двести тысяч лир — по бумагам.

Виктор знал этот ремонт. Он сам — уже в новой должности — подписывал акт приёмки. Точнее, не подписывал. Он поставил подпись под документом, который ему принесли на утверждение, даже не читая. Просто потому, что так делали все. Потому что он учился быть «винтиком».

Школа обрушилась в три часа дня. Внутри шёл урок. Погибли одиннадцать детей и учительница.

Виктор узнал об этом из новостей. Он стоял в своём кабинете, смотрел на экран и чувствовал, как пол уходит из-под ног. Корреспондент что-то говорил про «нарушение строительных норм» и «следственные действия». Показывали развалины. Потом — лицо женщины, которая держала в руках детский ботинок.

Он выключил телевизор. Подошёл к столу. Открыл ящик. Там лежала папка — та самая, с актом приёмки школьного ремонта. Он открыл её и посмотрел на свою подпись. Она была красивая, размашистая, с завитушкой на конце. Он выводил её старательно, потому что недавно стал старшим инженером и хотел, чтобы подпись выглядела солидно.

Он закрыл папку. Положил обратно в ящик. Запер ящик на ключ.

Потом подошёл к окну и долго стоял, глядя на жёлтую дымку над Городом. Внутри у него что-то оборвалось — тонкая нить, которая ещё связывала его с прежним Виктором, тем, кто писал докладные и верил в справедливость.

Он вспомнил Лару. Её улыбку в больничной палате. Сто пятьдесят лир. Импортное лекарство.

Он вспомнил учительницу и одиннадцать детей, которых он никогда не видел, но чью смерть он только что одобрил своей подписью. Не сознательно — но разве это имело значение?

«Ты хотел дойти до сердца гидры. Ты только что стал её частью. По-настоящему стал. Не притворяйся, что это была игра».

Он повернулся, подошёл к столу и достал чистый лист бумаги. Написал одно слово: «Список». Потом подумал и зачеркнул. Вместо этого он начал писать фамилии. Медленно, методично, по памяти. Регнар. Торвальд. Подрядчики. Посредники. Фирмы-однодневки. Против каждой фамилии — сумма и дата.

Он писал два часа. Потом сложил лист вчетверо и убрал в потайной карман плаща.

Завтра он начнёт действовать. Но действовать так, чтобы никто не заподозрил. Он станет лучшим учеником этой системы. Он будет брать, воровать, подписывать, улыбаться. Он станет худшим из них — чтобы в нужный момент нанести удар.

Где-то далеко, в Южном районе, были сирены «скорой». Но раненых уже не было. Были только мёртвые.

Поздно вечером он пришёл домой. На пороге его встретила Лара. Она ещё не знала о школе — у неё не было привычки смотреть новости.

— Ты чего такой хмурый? — спросила она. — На работе проблемы?

— Да, — сказал Виктор. — Много дел.

— Ты слишком много работаешь. Тебе нужно отдохнуть.

— Я отдохну, — сказал он. — Обязательно.

Она обняла его — легко, как умеют только сёстры. Он стоял неподвижно, боясь пошевелиться, боясь, что она почувствует ту тяжесть, которая легла ему на плечи и больше никогда не уйдёт.

— Я тебя люблю, — сказала Лара. — Ты самый лучший брат на свете.

— Я тоже тебя люблю, — ответил он. — Иди спать.

Она ушла в свою комнату. Виктор сел на диван, не включая свет. В темноте он достал из кармана сложенный лист, развернул его и в последний раз пробежал глазами по списку.

Потом чиркнул спичкой и поджёг бумагу.

Пламя осветило комнату на несколько секунд. Он смотрел, как горят фамилии, — Регнар, Торвальд, все остальные, — и думал о том, что настоящий список он не забудет никогда. Он выжжен у него внутри.

Когда бумага догорела, он встал и подошёл к окну. Город спал, укрытый всё тем же жёлтым туманом. Где-то в Южном районе стояла разрушенная школа. Где-то в Заречном районе дети по-прежнему пили ржавую воду. А где-то в центре, в своих уютных квартирах, спали люди, которые украли и воду, и школу, и жизни.

«Простите меня, — сказал он мысленно, обращаясь к тем, кого уже не было. — Простите, что я один из них. Я больше вас не побеспокою. Обещаю».

Он не плакал. Слезы кончились ещё в кабинете. Вместо них пришло что-то другое — холодное, спокойное, почти математическое. Он наконец понял, что значит «по-другому».

Это значило: перестать быть хорошим человеком. Перестать бояться. Перестать надеяться. Остаться одному — навсегда. И методично, шаг за шагом, идти к цели, которую никто не должен знать. Он разделся, лёг и закрыл глаза. Завтра ему нужно было рано вставать. На работу. Учиться дальше.

Глава 3. Точка невозврата

Осень в Городе всегда пахла гарью.

Не лесными кострами, не жжёной листвой — а чем-то промышленным, едким, словно где-то за горизонтом непрерывно горели крыши. В Департаменте говорили, что это с очистных. Виктор знал, что никаких очистных там давно нет — одни бумаги. Но он молчал. За полтора года он научился молчать так, что само его молчание стало формой искусства.

Его ценили. Ещё бы — молодой, исполнительный, не задаёт вопросов, подписывает всё, что кладут на стол. Регнар называл его «моя правая рука». Торвальд при встрече кивал с той особой теплотой, какую высокое начальство приберегает для самых полезных подчинённых. Виктор получил второй кабинет — больше прежнего, с окнами на проспект Побед. Получил прибавку к жалованью. Получил доступ к документам, о существовании которых год назад даже не подозревал.

И каждый вечер, возвращаясь домой, он садился в темноте и по памяти восстанавливал всё, что видел за день. Имена. Даты. Номера счетов. Суммы. Он не записывал ничего — бумагу могут найти. Но его память стала похожа на сейф, в который он складывал компромат, как патроны. Когда-нибудь они выстрелят. Когда-нибудь.

Так он говорил себе. И почти верил.

В тот вторник он ушёл с работы раньше обычного. Ларе исполнялось восемнадцать, и он обещал ей праздничный ужин. Купил торт в кондитерской на площади — дорогой, с кремовыми розами, — достал из шкафа бутылку вина, которую хранил для особого случая. Дома накрыл стол, зажёл свечи. Ждал.

В семь вечера она не пришла.

В восемь он начал звонить — сначала ей, потом её подругам, потом в лицей. Никто не отвечал. Или отвечали не то. «Не знаем». «Не видели». «Она ушла после занятий».

В девять он поехал в Южный район.

Улицы были перекрыты. Он увидел зарево издалека — оранжевое, пульсирующее, как открытая рана. Услышал вой сирен. Почувствовал запах — на этот раз не промышленной гари, а настоящего огня, смешанного с чем-то сладковатым и тошнотворным. Так пахнет горящее человеческое жильё. Или горящие люди.

Он бросил машину у оцепления и побежал. Его остановили у поворота — двое в форме Городской стражи, молодые, испуганные, сами не понимающие, что происходит.

— Туда нельзя. Чрезвычайная ситуация.

— Моя сестра, — сказал Виктор. Голос его был чужим, хриплым. — Она там. Пропустите.

— Приказ — никого не пускать. Зона оцеплена.

Он посмотрел на них. В глазах у него было что-то такое, отчего тот, что помоложе, отвёл взгляд, а тот, что постарше, невольно отступил на шаг.

— Я инженер-смотритель Городской службы коммуникаций, — сказал Виктор. — У меня допуск. Если там утечка газа или прорыв теплотрассы, я должен быть на месте.

Это была ложь. Но удостоверение — настоящее. И печать на нём — тоже. Стражник поколебался, потом махнул рукой.

— Только в каске. И дальше второго кордона не заходить.

Он не помнил, где взял каску. Не помнил, как пробежал три квартала. Помнил только, как воздух становился всё горячее, а запах — всё невыносимее.

Дом номер семнадцать по улице Кленовой горел, как спичечная головка.

Это был старый доходный дом — пять этажей, деревянные перекрытия, газовая колонка в каждой квартире. Месяц назад Виктор видел акт его технического осмотра: «Состояние удо-

влетворительное. Рекомендации: косметический ремонт». Подпись. Его подпись. Он не читал — просто поставил.

Теперь дом горел. Пожарные расчёты разворачивали лестницы, но напор воды был слабый — гидранты в Южном районе не чистили годами. Жильцы выбегали из подъездов, кричали, тащили на себе стариков и детей. Кто-то прыгал из окон третьего этажа на растянутые спасателями одеяла. Кто-то не допрыгивал.

Он искал глазами светлые волосы. Светлое пальто — она всегда носила светлое пальто, даже в дождь. Мамино пальто.

— Лара! — закричал он. — Лара!

Его никто не слышал. Или слышали, но не отвечали. Вокруг был ад, и каждый в этом аду спасал себя.

Потом он увидел её подругу.

Та сидела на земле, привалившись спиной к колесу пожарной машины, и её трясло. Лицо было чёрным от копоти, глаза — пустые. Он схватил её за плечи.

— Где Лара? Ты меня слышишь? Где она?

Подруга подняла глаза. Узнала его. И разрыдалась.

— Она... она... мы были на четвёртом она побежала за старухой за госпожой Мартой соседкой сказала, что не бросит...

— Что?

— Лестница. Лестница обрушилась. Я не знаю. Я больше ничего не знаю.

Он отпустил её. Выпрямился. Дом горел, как факел, — теперь уже весь, от фундамента до крыши. Пожарные отступали, кричали что-то про перекрытия, про газовые баллоны, про опасность повторного обрушения. Никто не заходил внутрь. Никто не собирался никого спасать.

Виктор побежал к дому. Его перехватили — трое, в брезентовых куртках. Держали крепко, профессионально.

— Ты куда, псих? Там всё.

— Там моя сестра.

— Нет там никого. Всё. Все спасены.

Он вырывался. Кричал что-то — он сам не слышал что. Потом ему в лицо плеснули водой, и он затих. Не потому, что успокоился. А потому, что понял: поздно. Слишком поздно кого-то спасать.

Крыша рухнула в половине одиннадцатого. Искры взметнулись к небу, как фейерверк. Толпа ахнула. Кто-то заплакал. Кто-то запричитал. А Виктор стоял и смотрел, как догорают всё, ради чего он жил.

Потом он сел на землю. Прямо в грязь, в сажу, в осколки стекла. Снял каску. Положил рядом. И остался сидеть до утра.

Следствие длилось три дня.

Три дня, за которые Виктор не спал, не ел и почти не разговаривал. Он ходил по Городу как призрак — в Управу, в морг, в контору судебного эксперта. Он хотел знать. Он имел право знать. И он узнал.

Причина пожара: утечка бытового газа. Износ внутридомовой разводки — сто процентов. Плановый ремонт: не проводился шесть лет. Последний акт осмотра: подписан три месяца назад. Состояние признано удовлетворительным. Подпись: старший инженер Городской службы коммуникаций Виктор.

Никто не обвинил его. Никто даже не упомянул его имени в официальных бумагах. Труп Лары — вернее, то, что от него осталось, — опознали по зубной карте и выдали родственнику. Родственник получил компенсацию: триста лир из резервного фонда градоначальника. Соборезнования. Церемония. Флаги приспущены на один день.

Акт осмотра, подписанный Виктором, исчез из архива на второй день после пожара. Вместо него появился новый — с другой датой и другой подписью. Никто не извинился. Никто не объяснил. Просто система сделала то, что делает всегда: переписала прошлое, чтобы защитить настоящее и будущее.

Виктору позвонил Регнар. Голос у него был участливый, почти отеческий.

— Виктор, дорогой, мы все скорбим. Это ужасная трагедия. Но жизнь продолжается. Возьмите отпуск за счёт Департамента. Неделю. Две. Сколько нужно. Мы вас ждём. Вы нам нужны.

— Я приду завтра, — сказал Виктор.

— Завтра? Но...

— Завтра. К девяти.

Он положил трубку. Подошёл к зеркалу. Из зеркала на него смотрел человек с серым лицом и пустыми глазами. Человек, который год назад дал взятку, чтобы спасти сестру. Человек, который через год поставил подпись, которая её убила.

Он не плакал. Слезы ушли глубоко внутрь и застыли там, как лёд. Вместо них пришла ясность — страшная, кристальная, не оставляющая места для сомнений.

«Ты хотел наблюдать. Ты хотел собирать компромат. Ты думал, что можешь быть внутри и оставаться снаружи. Ты думал, что это игра. Это не игра. Ты часть системы. Ты убиваешь. Ты убил её».

Он взял со стола фотографию Лары. Светлые волосы. Мамина улыбка. Единственное, что осталось.

— Прости меня, — сказал он. — Я больше вас не побеспокою.

Это была та же фраза, что и год назад, после школы в Южном районе. Но теперь она значила другое. Тогда — обещание стать хуже всех, чтобы добраться до вершины. Теперь — отказ от всего, что ещё связывало его с миром живых. От совести. От страха. От жалости. От надежды.

Он положил фотографию в конверт. Конверт запечатал и убрал в шкаф, на самую дальнюю полку. Туда, где уже лежала папка с надписью «Мать».

Потом достал чистый лист бумаги и написал — не список, нет. Список он помнил наизусть. Он написал план. Не тот, который можно найти и прочитать. А тот, который он будет держать в голове ближайшие десять лет.

План начинался с простого пункта: «Перестать быть человеком».

На следующий день он пришёл на работу к девяти. В свежей рубашке, выбритый, собранный. Коллеги смотрели на него с опаской — не знали, что говорить. Он улыбался. Он сам подходил к ним и говорил:

— Всё в порядке. Жизнь продолжается.

Регнар вызвал его в кабинет, долго жал руку, говорил что-то про стойкость, про мужество, про «мы все под Богом». Виктор слушал, кивал, благодарил. Внутри у него было тихо, как в склепе.

— У меня есть предложение, — сказал он, когда Регнар закончил. — По Южному району. Нужно восстановить коммуникации после пожара. Я готов взять это на себя.

Регнар удивился. Потом обрадовался.

— Вот это по-нашему! Инициатива! Конечно, берите. Все ресурсы — в ваше распоряжение.

— Мне понадобится доступ к подрядчикам, — сказал Виктор. — И к бюджету.

— Получите. Всё получите.

Так он стал не просто винтиком. Он стал механизмом, распределяющим деньги. Он стал тем, кому подрядчики носят конверты. Тем, кто решает, кому достанется подряд, а кому — нет. Тем, чья подпись стоит миллионы.

Через полгода о нём заговорили в Столице. Ещё через полгода его пригласили на собеседование в Министерство регионального развития. Ещё через год он переехал.

Он не оставлял следов. Он не заводил друзей. Он не брал больше, чем брали другие. Он был образцовым, системным, предсказуемым коррупционером — из тех, на ком держится любой режим. И никто, ни одна живая душа, не знала, что каждую ночь, оставаясь один, он открывал шкаф, смотрел на конверт с фотографией и повторял про себя одно и то же:— Я помню. Я иду. Ждите меня.

Глава 4. Искусство быть тенью

Столица встретила его дождём и равнодушием.

Город, где Виктор прожил почти тридцать лет, имел память — липкую, как желтоватый туман над Заречным районом. Там его знали. Там на него оглядывались. Там за его спиной шептались: сперва — «идеалист», потом — «сломался», потом — «жук, каких поискать». Здесь, в Столице, он был никем. Песчинкой, занесённой ветром в гигантскую мясорубку министерских коридоров.

Он снял комнату на окраине, в сером панельном доме, похожем на сотни таких же. Комната была пустой, если не считать кровати, стола и стула. Окно выходило на проспект Индустрии — шесть полос движения, непрерывный поток машин, выхлопные газы, смешанные с дождевой моросью. По ночам проспект гудел, как гигантский улей. Виктор не возражал: гул помогал не думать.

Министерство регионального развития занимало здание в правительственном квартале — тяжёлый серый параллелепипед с колоннами, построенный ещё в эпоху великих строек и великих иллюзий. Чтобы попасть внутрь, требовалось три пропуска. Первый — на проходную. Второй — в лифтовый холл. Третий — на этаж. Виктор получил все три в первый же день, и это было знаком: его ждали.

Его должность называлась «референт отдела координации инфраструктурных проектов». Звучало внушительно. На деле это означало: мальчик на побегушках при заместителе начальника отдела. Кофе. Копии. Сводки. Сметы, которые нужно проверить, но лучше не проверять. Звонки, на которые нужно ответить, но лучше не отвечать. Виктор всё понял с первого дня и принял правила игры, даже не ознакомившись с ними — он уже знал их наизусть.

Его непосредственным начальником стал господин Маркус — мужчина лет сорока пяти, лысеющий, с одышкой и манерами человека, который двадцать лет просидел в одном кресле и ни разу не усомнился в своём праве на него. Маркус носил костюмы одного и того же серого оттенка, курил в кабинете, несмотря на запреты, и говорил о подчинённых в третьем лице, даже когда они стояли перед ним.

— Новенький? — спросил он, когда Виктор впервые переступил порог его кабинета. — Из Регионов, да? Мне звонили. Рекомендовали. Сказали — толковый парень.

— Постараюсь оправдать, — сказал Виктор.

— Не надо оправдывать. Надо делать. У нас тут не Институт, у нас — конвейер. Понял?

— Понял.

— Ничего ты не понял. Но поймёшь. Садись вон туда. — Маркус указал на стол в углу, заваленный старыми папками. — Разбери завалы для начала. И запомни: с вопросами — к старшему референту. Ко мне — только когда позову.

Виктор сел и начал разбирать папки. Внутри были акты, сметы, отчёты — всё то же самое, что и в Городе, только суммы длиннее на три-четыре нуля. Мосты, дамбы, очистные, тепло-трассы, больницы. Бумажная жизнь страны, в которой всё было построено, отремонтировано и сдано в срок — по крайней мере, на бумаге.

Он читал и запоминал. Фамилии подрядчиков. Цифры контрактов. Даты приёмов. К вечеру первого дня у него в голове уже выстроилась примерная схема того, как работает Министерство. Схема была проста: бюджет спускается из Казначейства, Министерство распределяет его по Регионам, Регионы — по подрядчикам, подрядчики — по субподрядчикам. На каждом этапе от денег откусывается доля. Чем выше этап — тем жирнее кусок. Чем ближе к реальной стройке — тем тоньше. К последнему звену, тому самому прорабу, который кладёт бетон, доходила примерно пятая часть от изначально запланированной суммы. Иногда — десятая.

Виктор знал это и раньше. Но одно дело знать в масштабе Города. Другое — видеть своими глазами, как через его стол проходят бумаги на миллиарды лир, и понимать: за каждой бумагой — чей-то дом, чья-то вода, чья-то жизнь.

Он сделал пометку в уме. Не на бумаге. Никогда — на бумаге.

Прошёл месяц. Виктор стал незаметен.

Он научился ходить по коридорам Министерства бесшумно. Научился говорить «да» нужным тоном — не подобострастным, но и не дерзким. Научился одеваться, как все: серый костюм, белая рубашка, тусклый галстук. Научился улыбаться шуткам Маркуса и не встречаться глазами с теми, кто был ниже по рангу. Научился подписывать документы, не читая, — потому что читать здесь было не принято.

Коллеги приняли его с той особой теплотой, с какой принимают тех, кто не представляет угрозы. Старший референт, господин Клаус, нервный человек с бегающими глазами, даже начал доверять ему кое-какие «деликатные» поручения: отнести конверт, передать устное распоряжение, встретить нужного человека и проводить в нужный кабинет. Виктор исполнял всё безукоризненно. Через два месяца Клаус уже называл его «свой парень».

— Ты, Виктор, не то что эти, — говорил он, кивая в сторону молодых сотрудников, которые ещё пытались что-то доказывать и спорить. — Ты понимаешь, как устроена жизнь.

— Я просто делаю свою работу, — отвечал Виктор.

— Вот именно. Работу. Не больше и не меньше. За это нас и ценят.

Он не спрашивал, кто «нас» и кто именно «ценит». Ему не нужно было спрашивать. Он уже знал: «нас» — это тех, кто не задаёт вопросов. А «ценят» — те, кто сидит на этажах выше. Намного выше.

Однажды вечером, когда Маркус уехал на совещание в Комитет, а Клаус отправился по каким-то своим делам, Виктор остался в кабинете один. Он знал, что это риск. Знал, что за ним могут наблюдать. Но он также знал, что без риска он никогда не продвинется дальше референтского стола. А ему нужно было продвигаться. Выше. Ближе к сердцу.

Он подошёл к столу Маркуса — аккуратно, не сдвинув ни одной бумаги. Открыл ящик. Верхний был заперт, но нижний — нет. В нижнем лежали папки с пометкой «Для служебного пользования». Он взял одну, открыл. Список подрядных организаций, допущенных к тендерам в следующем квартале. Против каждого названия — пометка от руки: процент отката. Пятнадцать. Двадцать. Двадцать пять. От руки — потому что такие вещи не доверяют печатному тексту.

Виктор просмотрел список, запомнил цифры и положил папку обратно. Закрыв ящик. Вернулся на своё место. Весь процесс занял меньше минуты. Сердце билось ровно.

Потом он достал из кармана маленький блокнот — самый обычный, хозяйственный, для записок — и записал: «Мука — 2 кг. Сахар — 1 кг. Масло растительное — 1 л.» Ниже — цифры. Пятнадцать, двадцать, двадцать пять. Только ему известно, что это не список покупок, а проценты откатов по ключевым подрядчикам Министерства. Если блокнот найдут — он просто человек, который ходит в магазин после работы.

Этот приём он придумал ещё в Городе, но здесь, в Столице, довёл до совершенства. Вся его настоящая картотека была зашифрована в безобидных бытовых записях, которые никто никогда не станет читать дважды.

На третий месяц случилось первое серьёзное испытание.

Маркус вызвал его в кабинет и закрыл дверь — что бывало редко. Обычно двери в Министерстве не закрывались: считалось, что если закрываешься, значит, есть что скрывать. Но сегодня Маркус закрыл.

— Садись, — сказал он. Виктор сел. — Есть дело. Щекотливое.

— Я слушаю.

— Ты знаешь господина Берга? Из отдела аудита?

Виктор знал. Берг был одним из немногих, кто ещё пытался что-то проверять. Он уже дважды присылал запросы по тендерам, и оба раза Маркус спускал их на тормозах.

— Знаю, — сказал Виктор.

— Он начал копать под Восточный водовод. Тот самый, который мы сдали в прошлом году. У него вопросы по смете. По материалам. По подписям. — Маркус понизил голос. — Понимаешь, Виктор, водовод — это не просто трубы. Это двадцать миллионов лир. Там у каждого свой интерес. Если он докопается...

— Понимаю, — сказал Виктор. — Что нужно сделать?

Маркус посмотрел на него внимательно. Проверил. Виктор выдержал взгляд.

— Нужно, чтобы он перестал копать. Не навсегда — упаси боже! — но хотя бы на месяц. Пока мы не перепишем документацию. Ты молодой, незаметный. С тобой он будет говорить. Старым он не доверяет.

— Что я должен ему предложить?

— Ничего. Просто передай, что его запрос принят к рассмотрению и что ответ будет через месяц. Если он спросит, почему так долго, — сошлись на регламент. Если не поверит — намекни, что у него у самого могут найтись нарушения. Мягко. Без угроз.

— Это угроза.

— Это профилактика, Виктор. Запомни это слово. Мы не угрожаем. Мы помогаем людям не совершить ошибку.

Виктор взял папку с материалами по водоводу и вышел. В коридоре он остановился, открыл папку и быстро пробежал глазами по цифрам. Двадцать миллионов. Реальная стоимость, по его прикидкам, — пять, от силы шесть. Остальное — распил. Если Берг докопается, под ударом окажется вся цепочка: от подрядчика до заместителя министра. А значит — и Маркус, и Клаус, и сам Виктор, который, сам того не зная, уже подписал несколько актов по этому проекту.

Он нашёл Берга в его кабинете — маленьком, заваленном бумагами, с видом на внутренний двор. Берг был худой, сутулый, с воспалёнными глазами и вечной чашкой холодного кофе на столе. Из тех, кто ещё не сдался. Из тех, кого система перемалывает медленно, со вкусом.

— Господин Берг? Меня прислал господин Маркус. По вашему запросу.

Берг поднял глаза. Посмотрел на Виктора. Потом на папку в его руках.

— Садитесь. — Виктор сел. — Я ждал кого-то из отдела, но не думал, что пришлют вас.

— Почему?

— Потому что вы здесь новенький. Обычно присылают Клауса. Клаус умеет говорить так, что ты чувствуешь себя грязным, хотя он не сказал ни одного грубого слова. Вы тоже так умеете?

— Нет, — сказал Виктор. — Я просто передаю, что ваш запрос принят. Ответ будет через месяц.

— Месяц? — Берг усмехнулся. — За месяц они перепишут всю документацию. Вы это знаете, я это знаю.

— Таков регламент.

Берг откинулся на спинку стула. Посмотрел на Виктора долгим, изучающим взглядом.

— Знаете, что мне в вас не нравится? — спросил он. — Вы спокойны. Вы слишком спокойны для человека, который работает здесь всего три месяца. Обычно новенькие либо напуганы, либо полны иллюзий. Вы — ни то, ни другое. Вы как будто не здесь.

— Я здесь, — сказал Виктор.

— Нет. Ваше тело — здесь. А вы сами — где-то ещё. Я таких видел. Они либо святые, либо чудовища. Вы на святого не похожи.

Виктор промолчал. Берг взял папку из его рук, открыл, пролистал.

— Двадцать миллионов, — сказал он. — Из них украдено, по моим подсчётам, четырнадцать. Четырнадцать миллионов лир. Вы знаете, сколько больниц можно построить на эти деньги? Сколько водоводов? Сколько жизней спасти?

— Знаю.

— И вас это не беспокоит?

— Меня беспокоит моя работа, — сказал Виктор. — Я делаю то, что мне поручили. Не больше и не меньше.

Берг закрыл папку и вернул её Виктору.

— Передайте Маркусу, что я не отступлю. Можете передать дословно. — Он встал. — И передайте ему ещё кое-что. Скажите, что я понимаю: он пришлёт ко мне не вас. Он пришлёт кого-то другого. Кого-то, кто не говорит, а делает. Я готов.

Виктор поднялся.

— Я передам. Всего доброго, господин Берг.

— Не думаю, что оно будет добрым, — сказал Берг. — Для кого-то из нас.

Через три дня Берга уволили. Официальная причина — «утрата доверия». Неофициальная — его стол обнаружили вскрытым в выходные, и из него исчезли ключевые документы. Берг не стал бороться. Говорили, он уехал в Регионы, к семье. Говорили, он сломался. Говорили разное.

Виктор запомнил его. И запомнил цифру: четырнадцать миллионов. Он внёс её в свой мысленный реестр и продолжил работать.

Прошло полгода.

Виктор получил повышение. Теперь он был не референт, а младший координатор — должность, специально созданная под него. У него появился собственный крохотный кабинет, отдельный телефонный аппарат и право подписи на документах до ста тысяч лир. Он стал ещё незаметнее, потому что незаметность на этом уровне — высшая форма искусства. Тень не должна отбрасывать тени.

Он научился всему, чему можно было научиться у Маркуса. Как составлять смету так, чтобы в ней было три уровня «зазоров» и ни одной зацепки для аудита. Как выбирать подрядчика, чтобы тендер выглядел честным, хотя победитель был известен за месяц до объявления. Как оформлять откат — не наличными, а через цепочку консультационных договоров, актов об оказании услуг и прочей бумажной мишуры, которую ни один следователь не распутает. Как разговаривать с проверяющими — ласково, но так, чтобы у них тряслись руки. Как держать подчинённых — на коротком поводке, но с иллюзией свободы.

Маркус был доволен. Клаус ревновал, но молчал. Остальные просто не замечали — потому что Виктор не делал ничего заметного. Он был идеальным винтиком.

В конце полугодия Маркус пригласил его на ужин. Не в министерскую столовую — в ресторан в центре Столицы, с белыми скатертями и живой музыкой. Там собирались люди, которых Виктор видел раньше только на экранах и в газетах. Заместители министров. Главы комитетов. Пара бизнесменов, чьи имена никогда не звучали в новостях, но чьи деньги текли сквозь бюджет, как вода сквозь песок.

— Привыкай, — сказал Маркус, заметив его взгляд. — Теперь ты будешь здесь часто.

— Зачем? — спросил Виктор.

— Потому что настоящие дела делаются не в кабинетах. Настоящие дела — здесь. За столом. Под хорошее вино. Ты должен видеть лица. Должен знать, кто чем дышит.

— Я не очень силен в светских беседах.

— Научишься. Ты вообще способный ученик. — Маркус помолчал, разглядывая бокал. — Знаешь, Виктор, я за двадцать лет повидал много молодых. Большинство — пустышки. Приходят, хватают, набивают карманы и исчезают. Или, того хуже, начинают строить из себя

борцов. — Он усмехнулся. — С тобой иначе. Ты не хватаешь. Ты не строишь. Ты просто делаешь. Я так и не понял, что тебе нужно. Это хорошо.

— Мне нужна стабильность, — сказал Виктор.

— Стабильность? — Маркус рассмеялся. — Стабильность — это для бедных. Для нас — рост. Постоянный рост. Вверх, в стороны, вглубь. И ты, Виктор, растёшь быстрее, чем я ожидал. Глядишь, через год-другой сам будешь сидеть в этом кресле и учить молодых.

— Я не рвусь в это кресло, господин Маркус.

— Вот именно поэтому ты его и получишь. — Маркус поднял бокал. — За тебя, Виктор. За самого незаметного человека в Министерстве.

Они чокнулись. Вино было красное, терпкое. Виктор пил и думал о том, что Маркус только что сказал правду, сам того не зная. Ему действительно не нужно кресло. Ему нужно другое. Но пока — он будет пить вино, улыбаться и запоминать лица.

Все лица. Все имена. Все цифры.

Глава 5. Первый рубеж

К концу первого года в Министерстве Виктор перестал быть тенью. Он стал чем-то иным — инструментом. Точным, безотказным, не задающим вопросов. Маркус уже не проверял за ним документы — просто ставил свою подпись поверх его. Клаус, поначалу ревновавший, смирился и даже находил в этом выгоду: теперь самые сложные и рискованные поручения уходили к Виктору, а Клаус оставался в стороне, сохраняя лицо и нервы. Сам Виктор не искал ни благодарности, ни признания. Он делал то, что от него требовалось, и делал это безупречно.

Система оценила.

В начале зимы его пригласили на закрытое совещание — одно из тех, что проходили без протоколов, без стенограмм и без свидетелей. Совещание вёл лично господин Хольт, заместитель министра, — человек, чьё имя в Министерстве произносили шёпотом, а в прессе не произносили вовсе. Он был высок, сухопар, с лицом, которое ничего не выражало, и руками, которые никогда не лежали на столе без дела. Говорили, что он прошёл путь от курьера до заместителя министра за двадцать лет и что за эти двадцать лет не было ни одного крупного тендера, к которому он не приложил бы руку.

В кабинете, кроме Хольта, сидели трое: Маркус, начальник юридического отдела и кто-то из Казначейства — Виктор не запомнил его имени, только должность. И он сам. Присутствие референта на таком совещании было неслыханным делом, и Виктор понимал: это знак.

— Садитесь, — сказал Хольт. Виктор сел. — Маркус говорит, вы толковый. Я проверил. Действительно. За год — ни одной ошибки. Ни одного лишнего слова. Это редкость.

— Спасибо, господин заместитель.

— Не благодарите. Я не за комплиментами вас позвал. — Хольт взял со стола папку, открыл. — У нас проблема. Северный транспортный коридор. Слышали?

Виктор слышал. Северный коридор был крупнейшим инфраструктурным проектом последних пяти лет: мосты, тоннели, сотни километров дорог. Бюджет исчислялся миллиардами лир. Проект курировало Министерство лично, и вокруг него уже несколько лет кормились все, кто имел доступ. Но Виктор также слышал другое: в прошлом месяце произошла авария на одном из участков — обрушился пролёт нового моста. Жертв не было, но шум поднялся серьёзный. Газеты писали. Оппозиционные депутаты подавали запросы. Кто-то должен был стать козлом отпущения.

— Слышал, — сказал Виктор.

— Хорошо. Тогда вы понимаете, что ситуация деликатная. Нам нужно, чтобы расследование пошло по определённому руслу. Не в сторону Министерства. Не в сторону подрядчиков. В сторону скажем так, проектировщиков. Ошибка в расчётах. Человеческий фактор.

— Понимаю.

— Но есть сложность. — Хольт перевернул страницу. — В отделе технического надзора есть некто господин Арне. Старший инспектор. Он был на том участке за месяц до аварии. У него есть акт осмотра с замечаниями. Замечания серьёзные. Если этот акт всплывёт, картина станет неудобной.

— И что нужно сделать? — спросил Виктор.

— Арне нужно нейтрализовать. — Хольт говорил спокойно, как о погоде. — Не физически, упаси боже. Нам не нужны трупы. Нужно, чтобы его показания ничего не стоили. Чтобы он стал не свидетелем, а фигурантом.

В комнате повисла тишина. Маркус смотрел в стол. Юрист — в окно. Человек из Казначейства что-то черкал в блокноте. Виктор понял: все они уже знают. Они ждут его реакции.

— Что именно я должен сделать? — спросил он.

— Вы умный, — сказал Хольт. — Придумайте. У вас есть две недели.

Арне оказался человеком немолодым и усталым. Ему было за пятьдесят, он проработал в Министерстве почти тридцать лет и за это время не нажил ни врагов, ни состояния. Жил в скромной квартире на окраине Столицы, растил двоих детей, ходил на работу пешком и никогда не брал взятку. Виктор изучил его дело за один вечер. Арне был из тех, кого система не сломала — просто обтекала стороной, оставляя на периферии.

Теперь он стал опасен.

Виктор понимал, что от него требуется. Он должен был уничтожить человека. Не убить — но сделать так, чтобы его слово больше ничего не стоило. Сфабриковать доказательства. Подставить. Выставить взяточником или, хуже того, соучастником хищений. Чтобы любой суд — если дело дойдёт до суда, — смотрел на Арне не как на героя-разоблачителя, а как на мошенника, пытающегося отмазаться.

В прежней жизни, той, что кончилась в горящем доме на Кленовой улице, Виктор не смог бы даже помыслить о таком. Теперь он думал об этом спокойно, методично, как о технической задаче. У него было две недели, и он начал работать.

Первый шаг: информация. Он нашёл подрядчика, который работал с Арне по нескольким объектам. Подрядчик был мелкий, пугливый, с тёмным прошлым. Виктор встретился с ним в неприметном кафе на окраине и объяснил ситуацию — не угрожая, не давя, просто обрисовал расклад. Подрядчик понял с полуслова. Через три дня он дал показания: якобы Арне вымогал у него откат за подписание актов приёмки. Сумма — пять тысяч лир. Свидетели — двое рабочих, которые согласились подтвердить что угодно за небольшую плату.

Второй шаг: документы. Виктор составил акт — задним числом, с подписью Арне. Подпись он подделал сам, используя образцы из архива. В акте значилось, что инспектор принял объект без замечаний, хотя на самом деле тот самый мост имел скрытые дефекты.

Третий шаг: анонимный сигнал. Он отправил письмо в отдел внутренней безопасности Министерства — короткое, без деталей, но с упоминанием фамилии Арне и номера банковского счёта. Счёт был настоящий — Виктор открыл его на имя Арне через подставное лицо и положил туда те самые пять тысяч лир.

Вся операция заняла десять дней. Ещё четыре дня ушло на то, чтобы запустить бюрократический механизм: внутренняя проверка, отстранение, допрос. Арне пытался оправдываться, но его никто не слушал. Система не любит оправдывающихся. Система любит, когда всё просто.

На четырнадцатый день Арне уволили с формулировкой «утрата доверия». Акт с замечаниями по мосту исчез из архива. Дело о Северном коридоре закрыли за отсутствием состава нарушений. Проектировщики получили выговор. В прессе написали, что «причины аварии носят технический характер и не связаны с чьим-либо злым умыслом».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.